Транспортное право и безопасность. 2026. № 3(59). С. 181—188.
Transport law and security. 2026; (3(59)):181—188.

МОРСКОЕ ПРАВО

Научная статья
УДК 347.4
DOI: https://doi.org/10.30932/2500-1868-2026-59-3-15

Правовой статус Морской доктрины Российской Федерации как источника морского права

Тарасенко Юрий Александрович,
кандидат юридических наук, доцент,
Российский университет транспорта (МИИТ),
Москва, Россия

ORCID: https://orcid.org/0000-0002-9570-0223
РИНЦ SPIN-код: 2990-0935, AuthorID: 448324

Аннотация. Цель исследования состоит в определении правового статуса Морской доктрины Российской Федерации как источника морского права и обосновании возможности ее квалификации в качестве самостоятельной правовой формы источника права. Методологическую основу составляют формально-юридический, системно-структурный и сравнительно-правовой методы, а также методы анализа и синтеза нормативного материала и научных концепций. В работе исследуются основные доктринальные подходы к пониманию правовой доктрины (концептуальный, авторитетный, нормативный, политико-ориентированный, дифференцирующий), анализируется правовая природа Морской доктрины Российской Федерации. Результатом исследования является авторское определение источника права как волевой деятельности субъекта по объективированию системы правовых форм, что позволяет преодолеть ограничения позитивистской концепции. Обосновано, что Морская доктрина обладает признаками формы источника права: определенностью содержания, признанием субъектами, обязательностью и наличием внешнего выражения. Сделан вывод о том, что официальная (государственная) доктрина фактически играет роль источника права и требует закрепления ее статуса в иерархии источников.

Ключевые слова: правовая доктрина; стратегическое планирование; морское право; нормативный правовой акт; правоприменение.

Для цитирования: Тарасенко Ю. А. Правовой статус Морской доктрины Российской Федерации как источника морского права // Транспортное право и безопасность. 2026. № 3(59). С. 181—188. https://doi.org/10.30932/2500-1868-2026-59-3-15.

Original article

The legal status of the Maritime Doctrine of the Russian Federation as a source of maritime law

Yuri Al. Tarasenko,
Candidate of Law, Associate Professor,
Russian University of Transport (MIIT)
Moscow, Russia

Abstract. The purpose of the current paper was to determine the legal status of the Maritime Doctrine of the Russian Federation as a source of maritime law and to substantiate the possibility to classify it as an independent legal form of a source of law. The methodological basis comprises formal-legal, system-structural, and comparative-legal methods, as well as methods of analysis and synthesis of regulatory material and scientific concepts. There have been studied the main doctrinal approaches to understanding legal doctrine (conceptual, authoritative, normative, policy-oriented, and differentiating) and analyzed the legal nature of the Maritime Doctrine of the Russian Federation. The result of the study is the author's definition of a source of law as the volitional activity of a subject aimed to objectify a system of legal forms, that makes it possible to overcome the limitations of the positivist concept. There has been substantiated that the Maritime Doctrine possesses such characteristics of a source of law as certainty of content, recognition by relevant subjects, binding force, and external expression. There has been concluded that the official (state) doctrine effectively functions as a source of law, necessitating the formalization of its status within the hierarchy of legal sources.

Keywords: legal doctrine; strategic planning; maritime law; regulatory legal act; law enforcement.

For citation: Tarasenko Yu.A. The legal status of the Maritime Doctrine of the Russian Federation as a source of maritime law // Transport law and security. 2026; (3(59)):181—188.

© Тарасенко Ю. А., 2026

Доктрина, в самом общем ее понимании, представляет собой систему идей, взглядов, учений, источником которых является *деятельность* ученых-юристов, относительно сущности, содержания, форм и закономерностей возникновения, развития и функционирования права, а также иных правовых явлений. Исходя из определения, видно, что правовая доктрина весьма разнообразна и охватывает широкий круг явлений.

Наиболее популярные воззрения на суть этого правового явления можно представить следующим образом.

Концептуальный взгляд. Доктрина представлена как система фундаментальных идей и концепций, набор базовых принципов и ценностей, формирующих тип правопонимания [1, стр. 9—10; 2, стр. 8—9].

Авторитетный взгляд. Другое направление рассматривает доктрину как авторитетное мнение ученых («право юристов»). Суть доктрины заключается в признании и авторитете ее создателей, чьи труды, чье мнение

становится ориентиром благодаря глубине и научной безупречности [3, стр. 18].

Нормативный взгляд. Доктрина рассматривается как неформальный (а в некоторых системах и формальный) источник права, восполняющий пробелы и направляющий правоприменение [4, стр. 105—106].

Политико-ориентированный взгляд. Доктрина не существует в вакууме, она материализуется через правовую политику, задавая цели, программы и векторы законотворчества и правоприменения [5, стр. 107—109]. Доктрина тут выступает как научная основа правовой политики государства.

Дифференцирующий взгляд. Не всякая научная работа является доктриной. Доктрина — это лишь та часть науки, которая достигла высокой степени признания, практической востребованности и оформилась в устойчивую школу или концепцию [6]. С этой точки зрения, доктрина рассматривается как обособленное явление, отличное от юридической науки в целом.

Все представленные направления объединяет то, что ни одно из них не рассматривает доктрину в качестве источника (формы) права (хотя есть исследования, которые обосновывают желательность данного подхода).

Указом Президента РФ от 31 июля 2024 г. № 512 была утверждена Морская доктрина Российской Федерации. Это уже третья по счету концепция Морской доктрины (первая Морская доктрина Российской Федерации на период до 2020 года была утверждена Президента 27 июля 2001 г. Пр-1387).

В специальной литературе было обращено внимание на правовой статус данного документа. Интерес вызывает и то, каким актом был введен в правовой оборот данный документ и сам документ, названный доктриной.

Вопрос о правовом статусе доктрины и ее роли как источника права является дискуссионным в юридической науке. С одной стороны, доктрина не является нормативным правовым актом в классическом понимании, так как не содержит прямых правовых норм, обязательных для исполнения. С другой стороны, она определяет стратегические приоритеты, цели и принципы, которые влияют на формирование и применение правовых норм в сфере морского права.

Напомним, что в соответствии со ст. 90 Конституции РФ Президент издает указы и распоряжения, при этом они не должны входит в противоречие с Конституцией и федеральными законами. Указы Президента РФ относятся к нормативным правовым актам, и более того, как было подчеркнуто в Постановлении Конституционного Суда РФ от 30 апреля 1996 г. № 11-П, Президент РФ занимается правотворчеством, направленным на устранение пробелов в законодательстве. Но устранять пробелы в законодательстве Президент РФ может посредством только доступных ему правовых форм — указов и распоряжений.

С точки зрения существующих правовых форм и законотворческой техники, Морская доктрина Российской Федерации *не является норматив-*

ным правовым актом в классическом понимании. Она утверждена указом Президента РФ, но сам указ об утверждении фиксирует лишь факт принятия документа стратегического планирования, но не создает новые нормы права.

Доктрина не содержит прямых нормативных предписаний, обязывающих к конкретным действиям. Она формулирует цели, принципы, задачи и направления развития морской политики, но не устанавливает юридически обязательных правил поведения.

Правовую основу самой Доктрины составляют другие нормативные акты: Конституция РФ, федеральные законы, международные договоры и общепризнанные принципы международного права. То есть она опирается на существующее законодательство, но с точки зрения господствующей позитивистской концепции в Российской Федерации, *не является его источником*.

Доктрина служит основой для разработки конкретных нормативных правовых актов (законов, указов, постановлений и т. д.), которые уже имеют обязательную силу.

В литературе, оценив новую версию доктрины, указали, что Морская доктрина — это, выражаясь лаконично, концепция поведения государства в морской среде, а также документ, определяющий государственную политику в этой части и являющийся составной частью комплекса стратегического планирования внешней и внутренней политики Российской Федерации [7, стр. 2—9].

Таким образом, Морская доктрина — это скорее концептуальный документ, определяющий стратегические ориентиры государственной политики в морской сфере.

Обратим внимание на то, что правовой статус Морской доктрины не соответствует существующим позитивным правовым формам, что говорит о необходимости пересмотреть уже ставший традиционный подход к источникам права.

Напомним, что в российском правовом дискурсе существует определенный консенсус на понятие «источник (форма) права». Согласно ему под источником права понимают «исходящий от государства или признанный им официально способ выражения (оформления) и закрепления нормы права, как идеи о должном или допустимом в объективном смысле», как «то, где содержится норма права», как «объективное закрепление и проявление содержания права в определенных актах государственных органов» [8, стр. 76; 9, стр. 402].

Такое представление в нынешнем его законодательном выражении оставляет без ответа вопрос о правовом статусе такого акта, как Морская доктрина. В рамках существующей концепции позитивизма для введения в правовой оборот новых видов источников (форм) права необходим, как минимум, закон «О нормативных актах в Российской Федерации», о кото-

ром говорят специалисты уже долгое время и который вряд ли следует ждать в обозримом будущем [10, стр. 7—9].

Но источники (формы) права можно понимать иначе. Мы предлагаем рассматривать источник права прежде всего как волевую деятельность субъекта по объективированию (введению в оборот) системы правовых форм для существования и регулирования определенных общественных отношений. Иными словами, источником будут выступать исключительно субъекты (государство, организации, физические лица), поскольку только они могут разрабатывать и внедрять правила поведения.

В свою очередь, правовая форма источника представляет собой способ объективирования содержания правила, исходящего от субъекта и облеченного в определенный вид.

Данное понимание этих системных категорий (источник права, форма права) позволяет обосновать введение в научный и практический оборот новых правовых форм, одной из которых является доктрина.

Попробуем взглянуть на Морскую доктрину с точки зрения данного нами понимания источника и правовой формы источника права. Если Доктрина — не нормативный правовой акт, то может есть смысл ее рассматривать в качестве творчества ученых, которые создают концепцию, а официальное лицо эту концепцию утверждает своим актом (указом, распоряжением, постановлением и т.п.)? Тогда мы имеем дело с официальной доктриной.

Доктрина вообще — может быть плодом юридической научной общественности (общественная доктрина), а может проистекать от государства (государственная доктрина). [Не вдаваясь глубоко в данный вопрос, отметим, что официальную доктрину можно представить как систему концептуальных взглядов (на какую-то сферу — безопасность, образование, цифровизацию), которую прямо утверждает и поддерживает государство. То есть это не просто научная теория, а позиция, закрепленная официально. С этой точки зрения, Морскую доктрину возможно рассматривать как правовой документ (поскольку она утверждается на официальном уровне), являющийся носителем норм-принципов и норм-дефиниций применительно к установлению целей морской деятельности государства.] В рамках последней вводятся в оборот такие акты, как концепции (например, Концепция внешней политики Российской Федерации, утверждена Указом Президента РФ от 31 марта 2023 г. № 229), доктрины (например, Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, утверждена Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646; Экологическая доктрина Российской Федерации, одобрена распоряжением Правительства РФ от 31 августа 2002 г. № 1225-р), государственные политики (см, например, Основы государственной политики в сфере развития науки и технологий на период до 2030 года, утверждены Указом Президента РФ от 1 декабря 2022 г. № 812) и т.п. Эти акты оформляются существующими формами — указами Президента РФ, постановлениями Правительства РФ и т.п.

Такое положение свидетельствует о том, что доктрина как явление уже фактически играет роль источника права. Остается только определить его правовой статус и положение в общей иерархии действующих источников.

Положения доктрины (как общественной, так и государственной) используются в качестве вспомогательного материала для новых нормативных актов, обоснования актов правоприменителя, правил, исходящих от негосударственных субъектов. Но доктрина способна выступать и в качестве самостоятельного источника. Так, согласно ст. 38 Статута Международного Суда Организации Объединенных Нации 1945 г. к источникам права, которые применяет Международный Суд, относит доктрины наиболее квалифицированных специалистов в области публичного права. Иными словами, российское право уже признает правовую доктрину источником международного *публичного* права.

Отойдя от концептуальных установок позитивистской теории в вопросах источников и форм права, вполне возможно рассматривать доктрину в качестве правовых форм *частного* права. Сделанный вывод возможно распространить и на другие правовые явления, например, акты высших судебных инстанций, различные формы индивидуального правового регулирования и т.п. Но это уже выходит за рамки настоящего предмета исследования.

Данное нами определение источника и правовой формы источника права, позволяет рассматривать Морскую доктрину в качестве полноценной самостоятельной формы источника права (в данной статье мы ограничимся исключительно Морской доктриной, хотя, сама по себе доктрина гораздо разнообразнее, что требует более широкого исследования).

Формы источников права характеризуются совокупностью признаков, к которым относятся: определенность содержания, признание субъектами права, обязательность, наличие внешнего выражения. Указанные признаки в полной мере применимы и к такому документу, как Морская доктрина РФ.

В теории права определенность содержания правовой нормы трактуется как четкость и однозначность формулировок правила поведения, исключающая двусмысленность и противоречивость и обеспечивающая полноту и конкретность в ключевых аспектах. Традиционно данный признак разрабатывался применительно к классической норме права. Однако его действие не ограничивается исключительно нормами позитивного права: он также распространяется на правила поведения, формулируемые в рамках доктринальных положений. Это подтверждается анализом содержания Морской доктрины.

Формы источников права, исходящие от государства, признаются им *a priori*. Прочие субъекты — физические лица и организации, — признают их в силу принадлежности к правовой системе Российской Федерации. В данном случае Морская доктрина исходит от государства (в лице Президента РФ), а следовательно, обязательна для исполнения.

Для форм источников позитивного права обязательность устанавливается прямым указанием законодателя и распространяется на все субъекты. Доктринальные положения, по общему правилу, не обладают аналогичной всеобщей обязательностью, однако применительно к положениям официальной доктрины можно говорить о такой обязательности.

Общественная доктрина находит воплощение в следующих формах: научные статьи; монографии; диссертационные исследования; доклады на форумах, конгрессах, конференциях и круглых столах. Для официальной доктрины существует форма указов, распоряжений, постановлений. В этих источниках обосновываются правила, претендующие на нормативное значение. Соответственно, доктринальные разработки в полной мере могут отвечать признакам форм источников права.

Итак, современное российское законодательство характеризуется широким применением доктрин как документов стратегического планирования (Экологическая доктрина 2002 г., Климатическая доктрина 2009 г., Военная доктрина 2014 г. и др.). Однако их юридическая природа остается предметом научных дискуссий: отсутствует консолидированная позиция относительно их нормативного значения и места в иерархии источников права. Это создает правовую неопределенность и затрудняет системное применение доктринальных положений в правотворческой и правоприменительной практике.

Проведенное исследование позволяет констатировать, что Морская доктрина Российской Федерации занимает особое место в системе источников морского права. Не являясь нормативным правовым актом в классическом позитивистском понимании, она, тем не менее, обладает совокупностью признаков, характерных для формы источника права: определенностью содержания, официальным признанием, обязательностью для субъектов морской политики и надлежащим внешним выражением. Предложенное в настоящей работе расширительное понимание источника права как волевой деятельности субъекта по объективированию правовых форм открывает возможность для признания официальной доктрины самостоятельной правовой формой. Дальнейшее развитие данного подхода требует как доктринальной проработки, так и законодательного закрепления статуса доктринальных актов стратегического планирования в иерархии источников российского права, что позволит устранить существующую правовую неопределенность и обеспечить системное применение доктринальных положений в правотворческой и правоприменительной практике.

Список источников

1. Батурина, С. В. Традиции российской правовой доктрины : дис. канд. юрид. наук / С. В. Батурина. — Краснодар. 2008.
2. Васильев, А. А. Правовая доктрина как источник права : историко-теоретические вопросы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. А. Васильев. — Красноярск, 2007.

3. Бошно, С. В. Форма права: теоретико-правовое исследование : дис. ... д-ра юрид. наук / С. В. Бошно. — Москва, 2005.
4. Давид, Р. Основные правовые системы современности / Р. Давид, К. Жоффре-Спинози / пер. с фр. В. А. Туманова. — Москва, 1999.
5. Матузов, Н. И. Понятие и структура правовой системы // Теория государства и права : курс лекций / Н. И. Матузов [и др.] ; под редакцией Н. И. Матузова и А. В. Малько. — Москва : Юристъ, 2001.
6. Зозуля, А. А. Доктрина в современном праве: дис. канд. юрид. наук. СПб., 2006.
7. Бен Сума М. М. Морская доктрина российской федерации и реализация ее положений с целью ответа на актуальные вызовы, стоящие перед ней / А. А. Зозуля // Океанский менеджмент. — 2024. — № 1(24).
8. Алексеев, С. С. Право: азбука — теория — философия. Опыт комплексного исследования / С. С. Алексеев. — Москва : Статут, 1999.
9. Венгеров, А. Б. Теория государства и права : учебник для юридических вузов / А. Б. Венгеров. 3-е изд. — Москва : Юриспруденция, 2000.
10. Бошно, С. В. Закон о нормативных правовых актах: прошлое, настоящее и перспективы / С. В. Бошно // Право и современные государства. — 2015. — № 2.

References

1. Baturina, S. V. Traditsii rossiyskoy pravovoy doktriny [Traditions of Russian Legal Doctrine]: dis. kand. yurid. nauk / S. V. Baturina. — Krasnodar. 2008.
2. Vasil'yev, A. A. Pravovaya doktrina kak istochnik prava: istoriko-teoreticheskiye voprosy [Legal doctrine as a source of law: historical and theoretical issues]: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk / A. A. Vasil'yev. — Krasnoyarsk, 2007.
3. Boshno, S. V. Forma prava: teoretiko-pravovoye issledovaniye [The form of law: a theoretical-legal study]: dis. ... d-ra yurid. nauk / S. V. Boshno. — Moskva, 2005.
4. David, R. Osnovnyye pravovyye sistemy sovremennosti [Major legal systems in the world today] / R. David, K. Zhoffre-Spinozi / per. s fr. V. A. Tumanova. — Moskva, 1999.
5. Matuzov, N. I. Ponyatiye i struktura pravovoy sistemy [The concept and structure of the legal system] // Teoriya gosudarstva i prava: kurs lektsiy / N. I. Matuzov [i dr.]; pod redaktsiyey N. I. Matuzova i A. V. Mal'ko. — Moskva: Yurist", 2001.
6. Zozulya, A. A. Doktrina v sovremennom prave [Doctrine in modern law]: dis. kand. yurid. nauk. SPb., 2006.
7. Ben Suma M. M. Morskaya doktrina rossiyskoy federatsii i realizatsiya yeye polozheniy s tsel'yu otveta na aktual'nyye vyzovy, stoyashchiye pered ney [The Maritime Doctrine of the Russian Federation and the implementation of its provisions to address current challenges] / A. A. Zozulya // Okeanskiy menedzhment. — 2024. — № 1(24).
8. Alekseyev, S. S. Pravo: azbuka — teoriya — filosofiya. Opyt kompleksnogo issledovaniya [Law: ABCs — Theory — Philosophy. Comprehensive study experience] / S. S. Alekseyev. — Moskva: Statut, 1999.
9. Vengerov, A. B. Teoriya gosudarstva i prava [Theory of State and Law]: uchebnik dlya yuridicheskikh vuzov / A. B. Vengerov. 3-ye izd. — Moskva: Yurisprudentsiya, 2000.
10. Boshno, S. V. Zakon o normativnykh pravovykh aktakh: proshloye, nastoyashcheye i perspektivy [The law on normative legal acts: past, present, and prospects] / S. V. Boshno // Pravo i sovremennyye gosudarstva. — 2015. — № 2.